

84P7
в. 93

ИОСИФ КУРАЛОВ

ТРИДЕСЯТОЕ
ПРОСТРАНСТВО

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

A simple, handwritten checkmark or 'V' shape, drawn in black ink, located in the lower right quadrant of the page.

84Р4
К93

ИОСИФ
КУРАЛОВ

ТРИДЕСЯТОЕ
ПРОСТРАНСТВО

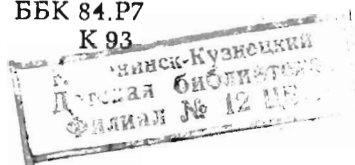
СТИХИ

Кемеровское
книжное издательство
1990

ББК 84.Р7

К 93

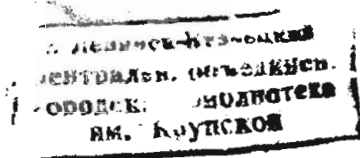

Художник С. И. Наполов

44365 (3)

Ж

Куралов И. А.

К 93 Тридцатое Пространство: Стихи.— Кемеровское кн. изд-во, 1990.— 103 с., ил.

ISBN 5—7550—0123—5

Иосиф Куралов пишет много, экспериментирует со словом, стремясь освоить достигнутое лучшими поэтами, быстро меняется сам. Лирический герой произведений И. Куралова — наш современник. В новую книгу поэта вошли стихи и поэмы, написанные в семидесятые и восьмидесятые годы.

К 4702010202—30 90
М 145(03)—90

ББК 84.Р7

ISBN 5—7550—0123—5

© Кемеровское книжное издательство, 1990

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЛЕТЧИК

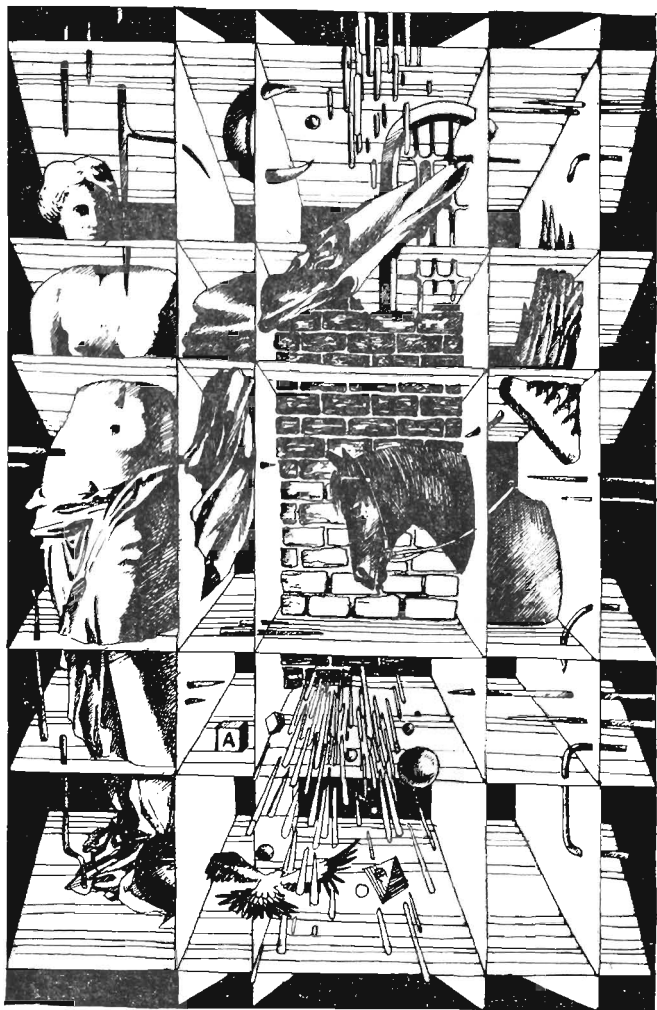
Как стекло в оконной раме
От волненья запоев,
Знай, летает над дворами
Деревянный самолет.

В нем сидит влюбленный летчик,
Молод, весел и любим.
Самолет его стрекочет,
Заодно влюбленный с ним.

Он летит в волне рассветной.
И в окошке лобовом
Видит летчик: над планетой
Солнце машет рукавом.

На земле стоит невеста,
С понедельника — жена,
Дожидавшаяся честно
Молодого летуна.

— Милая! Займись делами!
Испеки семейный торт! —
И качает ей крылами
По пути в аэропорт.

* * *

Любимая, звонкая, нежная!
Шестнадцатилетняя, грешная!
Свстящаяся, святая!
Глупенькая, пустая!..

И грешную, и святую,
И нежную, и пустую,
Какую помню — люблю такую,
Именно эту, а не другую!

ПИСЬМО ОТ НЕЗНАКОМКИ

Не ветер мечется по сучьям,
Не пьет жара мою прохладу!..
Когда друг друга мы отучим
В пустыне жить — приучим к саду?

А ты летаешь и летаешь!..
А ты — со свистом — мимо, мимо!
А ты не знаешь и не знаешь,
Что я палима и палима!

А ты живешь на белом свете.
А ты коней своих считаешь.
Цепляюсь ветками за ветер,
Когда ты мимо пролетаешь!..

Ты даже имени не спросишь,
Ты задохнулся от погони.
И в свой костер другую бросишь,
Чтоб обогреть над ним ладони.

Другая станет, жаркой лаской
Твое выпытывая имя,
Светиться розовой краской —
Вся под ладонями твоими!..

РЫБКА

В сети многие попадалась,
Только плавала налегке,
Сквозь любую сеть прорывалась,
Тихо плакала вдалеке.

И попалась не в сеть, а в руки!
Руку в реку я окунул —
Приплыла в бессловесной муке,
Не похожая на акул.

Так прижалась она к ладони,
Что зажегся в воде плавник!
Рассыпайтесь, горячи кони!
И губами к реке приник!

От реки отрываю рыбку —
Рядом с сердцем она горит.
И, выдавливая улыбку,—
Задыхаюсь я! — говорит.

Отрываю от сердца рыбку —
Под водою моя рука —
И выдавливаю улыбку...
Покрывается льдом река.

* * *

Был же вечер не слухом, не сплетней,
На бульваре горели цветы!
Был же я — двадцатисемилетний,
И семнадцатилетняя — ты!

Ты, как свет на ладони, легка!
Потому никакого мне дела,
Что душа не вселилась пока
В загорелое юное тело!

Мы совсем не тоскуем о ней,
А идем с тобой напрапалую!
Посреди площадей и людей
Я тебя без оглядки целую!

Лишь летящие линии рук —
И в другом мы от всех измеренье!
Ничего ты не видишь вокруг,
Так вот и начинается зренье!

Прозревает и зреет душа,
Наполняется розовым светом!
Только ты без нее хороша!
Для чего она в возрасте этом?

**ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ОБ АВТОРЕ РОМАНСА
«ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА»**

Наверно, ездил в «Яр»,
Купался в кубках пенных.
Наверно, из бояр,
Но старости степенных.

А может, был гусар
И дуэлянт-любитель.
Владелец грозных чар
И юных дев губитель!..

А может, был купец.
Добра полна палата.
И выстроил дворец
Из серебра и злата.

И между всяких дел,
С которыми сражался,
Себя развлечь хотел.
Но в думы погружался,

Поближе сев к огню,
Разглядывая розы...
И прямо в пятерню
Его катились слезы.

А в небе, не дыша,
Звезда его стояла.
И русская душа
Вокруг нее сияла.

Но в случае любом
Он собственной рукою
Не заполнял альбом
Любительской тоскою.

И в миг, когда уже
Совсем дошел до точки,
Он написал в душе
Негаснущие строчки.

И понял, что двоих
Не разделить могилкой.
И воскрешен «твоих
Лучей неясной силой»!..

* * *

1

Все друзья обустроились бытом.
Вот такой вышины каравай!
И старухи довольны корытом.
Скоро гаркнут: «Дворец подавай!»

Только я все надеюсь на чудо,
Там спасаюсь и сям от тоски,
Не хватают за горло покуда
Пятернею тончайшей руки.

Чтоб потом доказали раскопки,
Что всегда торжествует лишь плоть,
Я бы мог бытие на осколки
Быта жалкого вмиг расколоть.

Да не будет и сердце разбито!
Потому что уверен, друзья:
Невозможно построить из быта
Беспредельный дворец бытия.

2

Зря вы, зря, археолог унылый,
Тьму пронзили лучами зрачков.
Не украсил я землю могилой.
Не оставил я вам черепков.

* * *

Любимая — невесомая!
Все время паришь в воздухе!
А тебя хочется поднимать еще выше!

* * *

Ах, как она бежала мимо,
Распахиваясь на ходу,
Пластичная — как пантомима!
Вся — юная! Вся — на виду!

Аж сквозь сапожки
Меховые,
Разбрасывающие снег,
Светились ножки
Молодые!
Ух, этот миг!..
Эх, этот бег!..

Я воздушному неба раствору
Крикнул из исчезающих сил,
Что отдал свою душу простору.
Он и тело мое растворил.

Лишь оттуда, где солнышко тает,
Льется исповедь, словно струя.
И никто никогда не узнает,
Где зарыта могилка моя!

* * *

Расстилается дым по траве...
Я ходил мимо окон пустых.
Я искал тебя и в синеве,
И в высоких осоках густых.

Запустил наудачу стрелу!
И ушел в голубые края,
И нашел! — не жену, а пилу!..
Где ж ты квакаешь, радость моя?

44365 (3)

2

И. Куралов
Ленинск-Кузнецкий
Филиал № 12

17

Ленинск-Кузнецкий
Центральная библиотека
Филиал № 12
Им. Крупской

ВЕТЕР

Избушка вся, считай, в земле,
По самы окна утонула.
И веточка в рассветной мгле
Над крышей ветер крутанула...

А бабушка, жива едва,
Глядит в ненастное оконце.
Пускай — едва, зато — жива,
Пожить чуток, увидеть солнце!

А ветер знает, что творит.
Он кирпичи с небес уронит.
И дверь в пространство отворит.
Но домик этот он не стронет.

Гудит в трубе!
Гнет тополя!
Ломает даль!
Вовсю проказит!
За бабушку стоит земля.
У ней с землей такие связи!..

* * *

Сказали мне: ты элитарен,
Стихи твои не всем понятны.
А я всего-то лишь татарин,
Хотя сомненья вероятны.
То примут вдруг за иудея,
Поскольку позволяет имя.
А я им говорю, балдея:
Какая смелая идея —
Жить в диаспоре, в Третьем Риме!
Могу работать и японцем,
Светя щекой, облитой солнцем!
Надену кепку — армянин,
Зато советский гражданин!
Не нравлюсь папам, нравлюсь мамам.
И даже незамужним дамам!
Когда, красив, как лимузин,
В сиянье собственных ботинок,
Иду в толпе друзей-грузин.
Или иду на крытый рынок,
А он — Медина или Мекка.
Я там стою с лицом узбека,
Как персонаж своих картинок!
И вовсе в прятки не играя,
А толщу времени стирая,
Могу в земле, от соли душной,

Открыть подземный свет Сарая*
И выстроить Дворец Воздушный!
По воле божьей став пиитом,
Погибну я, когда солгу:
Я все могу! И не могу
Освободить забитых бытом
От эстетической нагрузки.
Я сам общипан общепитом,
Поэтому пишу по-русски.

* Сарай — город, который несколько веков назад стоял в нижнем течении Волги.

ПЛАЧ ПО ЛЕТУ

Не свети прозрачной кроной, клен!
То не твой, а мой осенний стон.

Не шумите, буйны тополя!
Живы корни. Вертится земля.

Ах, цветы сирени! Сон земли!
Не заметил, как вы отцвели!

Ах, черемух белый воздух-вдох!
Черных ягод каменный горох.

Ты, тропа моя, пустым-пуста —
Место для летящего листа.

Как летит он! Как стремится вниз!
Но зачем он в воздухе повис?

Душу человеческую что пытаться?
До земли же надо долетать!

Так и будет в воздухе висеть.
И паук его завяжет в сеть.

И в четыре закует угла.
Вспыхнет осень. Жизнь! Ты где была?

Человечье сердце крикнет: «Нет!
Есть весна!» И зародится свет.

Да и вовсе он не угасал.
Просто лист в пространстве повисал.

До земли-то он не долетал.
Душу, Боже, для чего пытал?

* * *

Последние дни листопада!..
А я по квартире брожу,
Угрюмого города чадо.
И выхода не нахожу.

Из окон открытых доносит:
Пространство пронзая насквозь,
Во всю неоглядную осень
Поют про «мороз, не морозь».

И юные духом верзилы
С гитарой сидят на скамье.
И звуки, рыдая вполсилы,
Летают в воздушной струе.

А листья спокойно кружатся
Под этот простецкий мотив.
И медленно наземь ложатся,
Собою весь взор затопив.

* * *

Погоулял по грани и по краю —
Больше в эти штучки не играю!

Больше не играю в эти штучки —
Можно ум пропить с одной получки.

Потеряешь ум — пропьешь рубаху,
Головою упадешь на плах*

Протрезвешь — нечем похмелиться!..
На лице — смертельная водица —

Сквозь глаза на плаху протекает.
Молот гвозди в крышку затыкает!

Что, отпели? Музыку сыграли?
Уносите от любезной крали!

Или встать среди небесной глади?
Лень вставать! Несите, Бога ради!

Или встать, откинув крышку гроба?
Лень вставать! Рыдай, моя зазноба!

* * *

Забуть любимых имена!
Как будто не было на свете!..
Тоска по самой первой Свете
Теперь не очень-то нужна.

Неплодотворная тоска
И в памяти не шевелится...
И сверху наслоились лица,
Дороги, города, века...

Нарос такой культурный слой,
Что хочется считать золой!
И разгребать его лопатой,
И скрыться в нем спиной горбатой.

И там, во мраке юных лет,
Найти нетленный постоянный —
Первоисточник, слово, свет,
Древней, чем уголь,
Безымянный!

* * *

Без тебя бездомен дома.
А с тобою нелюдим.
Может, ты нужна другому?
Я — другой необходим?

Может, нам уже не бресть
По стезе взаимной боли?
Видит Бог, что нам не съесть
По полпуда общей соли.

Может, стоит одному
Мне во мгле перемещаться?
Может, больше никому —
Впредь со мною не встречаться?

Твой талант на мой талант
Нам никак не перемножить.
Может, Бог поможет нам?
Может, он нам не поможет?

Может, просто посидеть
В темноте, вдвоем, обнявшись.
Может, просто поглядеть
В темноту, друг в друга вжавшись.

Чтобы влага мне на грудь
С твоего лица катилась.
Чтобы ею как-нибудь
Искра божья окропилась.

* * *

Я шел т у д а. И — позабыл.
Но я не вспоминал.
И воздух бледным дымом плыл.
А я его пинал.

Я шел т у д а. Куда ж еще?
Гулял рассвет в росе.
И день давил мне на плечо.
И шли навстречу все.

Я шел и думал: все — пустяк!
И даже — ерунда!
А после думал: как же так —
О Н И, и — н е т у д а?!

Шли без вериг, не взяли книг...
Не знал я, вот беда:
Что оставалось — век иль миг
До Страшного суда?

**ВОСПОМИНАНИЕ О ВСТРЕЧЕ С ПОЭТОМ
В БУФЕТЕ И НА СЕМИНАРЕ**

1

Когда поэт вошел в буфет,
Стоял я громом пораженный:
Идет, толпой не окруженный,
И в очередь встает поэт!..

Ну почему со всех сторон
К нему никто не подбегает?
Нести поднос не помогает?
И одинок в буфете он!..

Ну почему стоит в хвосте
Приумножитель отчей славы,
Один из тех певцов державы,
О коих говорят везде?

В буфете весь не уместался,
Парил, наверно, как орел...
И в монумент не превращался,
И до раздатчицы добрел.

2

В его зачислен семинар,
Я не подозревал об этом...
И вновь был громовой удар:
Поэт признал меня поэтом!

Он золотой рукой небрежно
Подал сияние с плеча.
Передо мной раскрылась бездна.
И я шагнул к ней сгоряча.

Я шел вперед, как победитель!
Рукоплескали мне: поэт!
С его плеча огромный китель
Слепил сияньем эполет!

Но на краю остановился
С великим напряженьем сил.
И китель, что на мне светился,
Сорвал и в бездне погасил.

И с той поры в составе свиты
Я ни при ком не состою.
Я — пленник, но своей орбиты
Всегда ношу шинель свою.

Индустриальной атмосферой
Сожженное до черноты —
Сукно моей шинели серой
Приобрело мои черты.

* * *

Все, мне кажется, не то!
И не так за дело взялся,
И к мишеням пристрелялся,
А из ста не выбил сто.

Чтобы выбить сто из ста,
Двести из двухсот, тем паче,
Надо жить совсем иначе.
Надо петь уметь с листа.

Так при чем же тут стрельба?
Дело происходит в мире —
Не в районном пневмотире.
Там — мишень, а не судьба.

Не судьба — так не судьба!
Значит, стань мишенью брэнной,
Чтоб из замысла Вселенной
За нос вытащить себя.

Чтоб тебя изрешетили,
Истоптали, изожгли.
А потом за все простили.
И ни в чем не обошли.

АПРЕЛЬ В СТЕПИ

Развезло. Испортились дороги.
Тянет в омут лодку и весло.
По колено утопают ноги
В западносибирское село.

Нет земли. Ее покрыли воды.
Островочка суши не видать.
Только трактора да пешеходы
Побеждают эту благодать.

На полях снега лежат и тучи.
Или это небо давит так?
И ползет коричневый тягучий
Нехороший ветер Бишкунак.

Злой и постоянный гость апреля.
С голубым до неба козырьком...
То звучит органом, то свирелью,
И над степью ходит сквозняком.

Что ему — устроенного быта
Тесная прямая колея?
Разобьет последнее корыто —
И прощай, любезная моя!

Сгинет ветер — так ему и надо!
За работу, жители села!
Ну а степь? Она ведь тоже рада —
Золотым тюльпаном расцвела!

Прямо в ноздри прынул дух весенний!
Ти-ши-на над искрами травы!
После всех апрельских потрясений,
Степь! Эй, степь! Иду к тебе на вы!

Покачай приезжего до неба!
Будет рад пришелец городской.
Он — дитя промышленного хлеба,
С почерневшей угольной тоской.

Он — дитя твоей широкой воли.
Он с тобой впервые наяву.
Застывая от высокой боли,
На тюльпаны падает. В траву!..

* * *

В оглоблях мускулы катая,
Качая мерно головой,
И мух дыханьем отгоняя,
Тащился мерин ломовой.

Не задевая твердь подковой,
Он, как по воздуху, ступал,
Чтоб дурень пьяный и здоровый
Дремал и кнут не подымал.

ИНВАЛИД

В кепке — мелкой меди груды,
В сумке — винная посуда,
Под ребром — кусок свинца.
Он без ног пришел оттуда,
Я родился без отца.

Сам на грани нищеты,
Четвертак ему бросаю —
Разевайте, дуры, рты!
Впрочем, доброй не считаю
Эту форму доброты.

Не имеем лучше вида,
Но чужого не крадем.
Два прекрасных индивида,
Два несчастных инвалида
Розно по миру бредем.

САПОГ

В центре земли или на обочине
Огромный кирзовый солдатский
Сапог стоит.

А в том сапоге генерал сидит.

Генерал сидит

И, как со дна колодца, в небо глядит.

В небо глядит и видит в небе

Безымянную фанерную звезду.

Видит генерал звезду

И песню поет.

Песню поет — солдата зовет:

— Ты приходи, солдат, да меня, генерала,

выручи.

Переверни сапог — да меня из сапога

вытряхни.

Меня из сапога вытряхни,

а уж я тебе отплачу —

Орден дам! —

А солдат по земле,

На одной ноге,

За сохой идет.

За сохой идет — песню поет.

Песню поет — головой качает.

Головой качает — генералу отвечает:

— Тебя, генерала, выручишь,

А ты увидишь у меня ногу одну

И скажешь мне:

Коль одна твоя нога цела —

недовоевал ты на войне.

И придумаешь новую войну.
Обувай, мол, сапог и топай в бой!
Топай в бой — догорай в огне!
А земля уже триста лет сохой не тронута.
Сохой не тронута — танком-трактором
испохаблена.

Оттого Русь вся ослаблена.
Кто пожалеет Русь-матушку,
Кроме одноногого солдата?
Так что, сиди ты, генерал,
С двумя ногами в одном сапоге моем,
Гляди в небушко.
А я и тебя заодно пожалею —
Кину с неба в сапог хлебушка —
Не помрешь!
А ордена мне не надо —
Как я воевал и без ордена видно.
Учись, генерал, песни другие петь!

ХУДОЖНИК И САПОЖНИК

Ты художник, а пьешь, как сапожник.
А сапожник ни капли не пьет!
Почему же, любезный художник,
Ты подводишь рабочий народ?

А сапожник тебя не подводит.
Ни о чем не грустит, ни о ком!
Он любимую тему находит
И выводит ее молотком!

На подошве стандартных ботинок
Загорается гвоздь, как звезда!
Вот, художник, читай без запинок
Четкий почерк стального гвоздя!

Та подошва сплошная, тупая,
Лишь сапожника чтит за труды.
И на горло твое наступая,
На картинах оставит следы.

Почему же, любезный художник,
Ты подводишь рабочий народ?
Ты художник, а пьешь, как сапожник.
А сапожник ни капли не пьет!

НЕВЕРБЛЮД

Когда двугорбый неверблюд,
Когда двугорбый и хромой,
Домой идет — он зол и лют!
Когда приходит он домой —
Он пьет домашний самогон,
Он бьет домашних сапогом!
Ведь он двугорбый неверблюд!..
Ведь он двугорбый и хромой!..
А на горбы его плюют!..
И черт возьми! И Боже мой!

* * *

Зачем живем? Затем, чтобы страдать?
Затем, чтобы писать статьи в газеты?
Водить машины? Уголь добывать?
Директора главней или поэты?

Директора уже сто лет твердят:
Точи болванку — в ней твое призванье!
Точу! И в небесах — кромешный ад.
И жизни нет — одно существованье.

И долго ль жить под этой тучей зла?
Ведь черт и тот сломал в забое ногу.
В большом достатке пепел и зола.
И не видать сквозь них дорогу к Богу.

* * *

Однажды ночью, пыль вздымая
И полня гулом грудь земли,
По городским путям трамвая
Колеса армии прошли.

Они везли в чехлах тяжелых
Тела заоблачных ракет.
Луна — Земли большой осколок,
Бросала сумеречный свет.

А люди спали и не знали,
Откуда посреди весны
Им прямо в уши грохотали
Наполненные тьмою сны.

СПИТ СОБАКА

На контрольно-пропускном посту,
В маленькой натопленной избушке,
Спит собака, наостряя ушки,
Чтоб врага услышать за версту.

Часовые четырех команд,
В точный час сменяясь через сутки,
В помещение, в казенной сумке,
Вносят современный провиант.

А собака спит себе в тепле,
На границе грозного завода,
Где одна природа — на земле,
Под землей — еще одна природа.

День и ночь заботится завод-
Невидимка, в непрерывном цикле
Сохраняя мирный небосвод
В виде том, к какому мы привыкли.

И гудит всея страны граница,
Как струна одна напряжена.
А собаке ничего не снится.
И не просыпается она.

Шерсть лоснится на собачьем теле.
День иль ночь на свете, свет иль тьма —
Спит собака! И на самом деле,
Может быть, мир не сошел с ума?

* * *

По ночам я прилетаю
Из Москвы в Сибирь родную.
Вместе с утром рассветаю.
Бело облако целую.

А под ним, под белым,— черно,
Расползается проворно...
Черно облако миную,
Но его я не целую.

Хоть оно — и друг мой с детства,
И насквозь оно родное,
И могу в него глядеться,
Словно в зеркало прямое.

Бело облако — небесно,
Черно облако — наземно,
Словно чудище — агрессно,
Обло, лай и стоzeвно.

**ЗАПИСЬ В КНИГЕ
ТРАМВАЙНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Я шел — горел. А сердце пело.
Меня пространство светом жгло.
Мне ехать надо было. Дело
Меня великое влекло.

Так, одухотворен движеньем,
Я шел с того на этот край,
Чтобы со всем самосожженьем
Сесть в ускоряющий трамвай.

Пока я шел не унывая,
Я разве думал на ходу,
Что нет на линии трамвая?
Стою и жду. Стою и жду.

Окраина. Забор. Поленниц
Штук пять поджечь, чтоб не скучать!
И даже лица современниц
Вокруг я начал замечать.

Как тигр цепной, как в клетке пленник,
Я кандалами громыхал.
И каждый встречный современник
На всякий случай затихал.

И встал я, в даль глаза вперяя.
Да хоть насквозь их прогляди!
Нет в поле зрения трамвая.
А только вечность впереди.

Движенье мне необходимо!
Из вечности теряю час.
Стоянье — состоянье дыма.
Я задохнулся и погас.

Такая в этот транспорт вера —
В общественный — ни дать ни взять! —
Что только галстук пионера
Мне остается повязать.

Но вот из глубины, из бездны
Он начал в рельсу колотить.
А я уж думал, что исчезну
Во мрак, чтоб до конца остыть.

Он шел, пространство нагревая.
Но и не очень-то спеша.
И вновь со скоростью трамвая
Раскрылась мрачная душа.

Мораль, однако, не отрину.
Она по-прежнему мудра:
Хотя и дует вечность в спину,
Трудитесь лучше, чем вчера!

И укрепляйте дисциплину!
Причины объясняйте пню.
Не выполняйте план по дыму.
Но выполняйте по огню.

СВЕТ И ЛИСТ

Год за годом, постепенно,
Вкладывает в забыты
Город в каменные стены
Откровения свои.

В пустоту между стенами,
Раскрывая землю, чист,
Возносился над домами
Невесомый звонкий лист.

В тот момент, земли касаясь,
Отрываясь от земли,
К тучам серым порываясь,
Пятна светлые прошли,

Зрение мое измучив!..
И в оконный окоем,
Разломив на небе тучи,
Свет и лист ушли вдвоем.

Вновь вокруг темно и пусто.
Но, с простором заодно,
Узнает шестое чувство
То, что первым не дано.

* * *

Телеграфное поле. Столбы.
Ни цветка, ни травинки на поле.
Расшибайте ученые лбы,
Засевайте сибирскую волю.

Знайте, это — живая земля,
А не мертвая плоскость протеза.
Но воткнете железо в поля —
И железо взойдет из железа.

А озимое поле души
Прорастет ли колосьями хлеба?
Я не знаю! Стою у межи
И смотрю в почерневшее небо.

Отразилась ли в небе земля?
Или туча грозой задымилась?
Или ветер проходит, пыля?
Или Божья маячит немилость?

Напряженно пространство стоит.
И во всю-то сибирскую волю
Телеграфное поле гудит.
И трепещет озимое поле.

ТИПОВУХА

Типовуха, типовуха...
А сперва была разруха,
Пятилетки и война.
Нетипичная страна.

Людам силы не хватало,
И презренного металла,
И чугунного литья,
И кирпичного жилья.

И стоят они подряд —
Поликлиника, детсад,
Школа, университет,
Педучилище и мед...

Типовуха — дом жилой.
И проспект, и город мой.
Но в любой стене видна
Нетипичная страна.

ОТКРОВЕНИЕ

— Вправду ли, юноша, ждешь откровений
От сочинителя стихотворений?

— Вправду! А как вы относитесь к Этому,
К Этому, к Этому и к Переэтому?

— К Этому, Этому и Переэтому
Я отношусь. И отвечаю поэтому.

Все они вместе и каждый в отдельности

В неразделимой находятся цельности

И производят духовные ценности.

К цельности этой и я отношусь,

Только в родимую речь погружусь.

А с именами их я не ношусь.

Только идея по воздуху носится:

Все эти Эти ко мне не относятся.

Вот и они ко мне так же относятся.

РАЗГОВОР С МОТОГОНЩИКОМ ПО ВЕРТИКАЛЬНОЙ СТЕНЕ

— Мотогонщик вертикальный,
Сколько ты освоил стен?
В жизни данной, ненормальной,
Чем доволен, вместе с тем?
Обожаешь перерывы
Для восстановления сил?
А душевные порывы
На стене ты погасил?
Всю вселенную объехал
И не очень тосковал?
А всемирного успеха
Так и не завоевал?
Ни ухаба нет, ни ямы,
Окружил себя стеной,
Нет ветра за спиной...
Чтобы к цели ехать прямо —
Надо ехать по прямой!

Головою он качает
И спокойно отвечает:
— Такова моя стезя.
И свернуть с нее нельзя.
Ведь стезя — одна, нетленна,
И куда б ни завела —
Неразменна, неизменна.
А твои, друг, как дела?

Не таинствен и не светел,
О коробку спичку — чирк!

Прикурил. Потом ответил:
— Не хочу обидеть цирк,
Но устал сидеть без дела! —
И хочу стрелять в слона,
Потому что надоела
Вертикальная стена!

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

Ну что ты рвешься:
В Москву! В Москву!
Когда вся наша Солнечная Система
Находится в глубокой провинции
Млечного Пути.

И другие рвались:
В Каир! В Париж! В Пекин! В Мекку! В Рим!
А теперь говорим:
Римская империя! Римская империя!..

А Римская империя сама рвалась
И разорвалась —
На Западную и Восточную,
На Северо-Американскую
И Золотоордынскую...

А столиц понастроили!..
И не замечаем,
Что живем
На самой глухой,
Самой провинциальной планете,
Без окон,
Без дверей...

И выход имеем
Только в открытый
Космос.

* * *

За все приходится платить.
За право есть. За право пить.
И за такси ночные.
И за дрова печные.

И мной уплачено сполна.
За то, что мир, а не война.
За то, что прожил жизни треть.
И жить сложнее, чем умереть.

ВЕТЕР

Избушка вся, считай, в земле,
По самы окна утонула.
И веточка в рассветной мгле
Над крышей ветер крутанула...

А бабушка, жива едва,
Глядит в ненастное оконце.
Пускай — едва, зато — жива,
Пожить чуток, увидеть солнце!

А ветер знает, что творит.
Он кирпичи с небес уронит.
И дверь в пространство отворит.
Но домик этот он не стронет.

Гудит в трубе!
Гнет тополя!
Ломает даль!
Вовсю проказит!
За бабушку стоит земля.
У ней с землей такие связи!..

НАЧАЛО ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДОВ

Опять старинные трехтонки
Везут затяжки да горбыль.
И ветер дует в перепонки,
Облагораживая былль.

И пыль летит под все колеса,
И из-под них и вдоль, и вдаль.
И почтальон, как знак вопроса,
Все нажимает на педаль.

А над копрами блещут спицы
В глубоких, гулких небесах.
И синевой сияют лица
У каменщиков на лесах.

И пацанва в бесцветных майках
Следит, смиряя сердца стук,
Как по колонне первомайской
Плывет плакат над лесом рук.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Веточки вербы
Несут по Руси.
Верить — не верить,
А вербу неси!

Помыто крылечко.
Натоплена печь.
И надобно свечку
Во Храме зажечь.

Весеннее небо
Синеет огнем!
Воскресная верба —
На сердце моем!

* * *

Индустриальная Джульетта
Выбегает из железобетонного подъезда,
Стуча деревянными копытцами
Сорокового размера.
А ее стодевяностосантиметровый
баскетболист

В двухсотрублевой «Монтане»
Стоит в полный рост —
С облаком вместо шапки.
Она подбегает к нему,
Он берет ее за руку,
И они идут.
Мощные,
Как западногерманские самосвалы
Марки «Магирус»,
Не похожие на млекопитающих,
Покрытые стальным блеском
современности, —
Акселераты.

* * *

Пульсируют весенним светом
Девиц червонные сердечки.
И никаким моим приветом
Их не поджечь, как Божьи свечки.

Привет мой нравственности полон.
Самостоятельно горите!
По воле Мастера и Воланд
Не прикоснется к Маргарите.

А Мастер сам — чего же алчет?
Гармонии и совершенства!
Жена — поет! Девица — плачет!
А Мастер пишет — вот блаженство!

А Маргарита, как известно,
Обручена с другим мужчиной,
Что испокон и повсеместно
Бывает творчества причиной.

**ВОСПОМИНАНИЕ ПРОКОПЧАНИНА
О ПЕРВОЙ ПОЕЗДКЕ В МОСКВУ**

В Москве на Аэровокзале
Ботинки чистят, чтоб сверкали!
Перед воротами столицы —
Не чистильщики, чистильщицы.

Провинциальные ботинки
Сияньем так перелицуют,
Что ставь иголку — как пластинки,
Закрутятся. И затанцуют.

Две женщины, четыре щетки...
Отдал полтинник. И даю,
В сопровождении чечетки,
Корреспондентам интервью.

Потом, сиятельный до пяток,
Иду вперед лицом! Не князь ли?
Был срок командировки краток,
Секунды за спиною гасли!

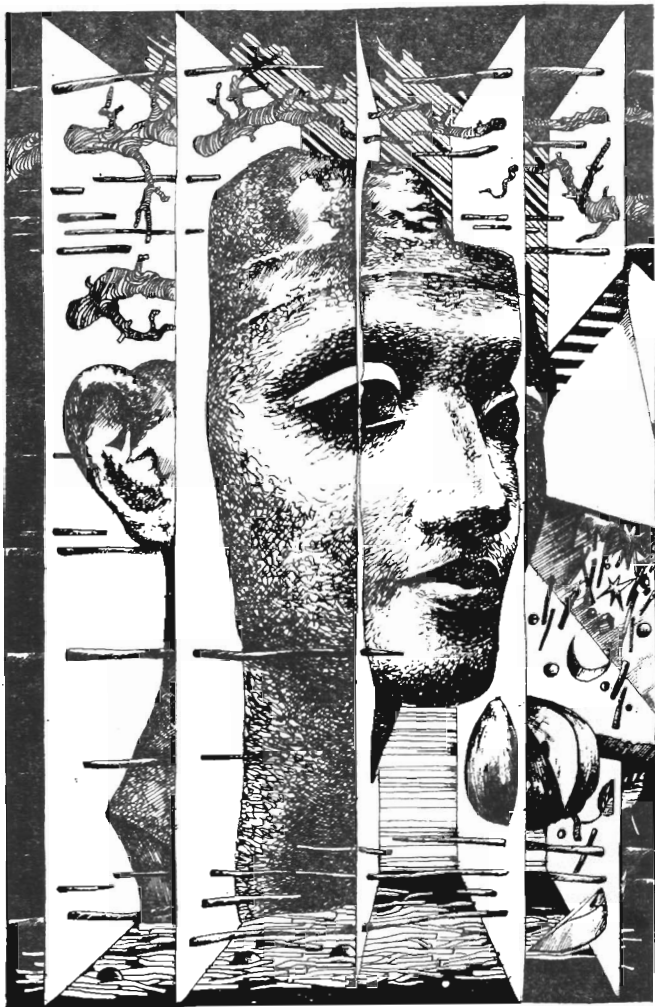
Но, наподобье райских птичек,
Не погасая в небе алом,
Улыбки легкие москвичек
Летали над провинциалом.

И я, улыбкой отвечая,
Шел бесшабашнее тачанки,
На всех москвичках замечая
Лицо любимой прокопчанки.

ЖДУТ ПОТОПА

(На сцене Она и Он)

- Сперва нас было двое.
- Потом нас стало много.
- Потом был потоп.
- И нас опять стало двое.
- С той поры прошли века.
- Нас опять — миллиарды.
- Миллиарды одиноких людей...
- Нет, мы-то — двое!
- (Прямо на сцене обнимаются и целуются)
- А остальные ходят поодиночке...
- И ждут потопа...

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ ПОЭТЕССЕ,
ИЛИ СОН ОБ ЭДЕМЕ

П о э м а

Я понимаю, что куренье — вред.
И все равно, без творческой задачи,
Всю зиму в потолок глядел на даче
И видел сны в тумане сигарет,
Тебе в любви желая объясниться
Еще до наступления весны.
Читай! Расскажет каждая страница,
Какие видел я цветные сны.

...Тебе и мне — по миллиарду лет!..
Над бездной — тьма. А света вовсе нет.
Купаемся в каком-то водоеме.
Меняем часто облик и объем.
И водоем меняется в объеме.
А мы с тобой купаемся вдвоем!
Наверно, ты узнала те места:
«Земля была безвидна и пуста».
Но Дедушка с огромной бородою
Уже всю «носился над водою».
Испытывая творческий подъем,
Он изменяет нас и водоем.
И наконец-то появился свет!
Нам хорошо: у нас одежды нет!
Но этот факт еще лишен значенья.
Лежим спокойно на волнах теченья,
Поскольку пруд — уже не пруд, а речка,
И друг у друга слушаем сердечко,
Прижав к сердечкам ушки и ладошки,
Хотя уже имеем даже ножки!
Как часики, работают сердечки.
И как секунды, пролетают дни.
А мы, как рыбки, носимся по речке,
Где рыбок много, мы с тобой — одни.
Мы — умные! Ты — девочка! Я — мальчик!
У каждого в руке зажат пенальчик.
У каждого по прутику в руке.
Уже рисуем что-то на песке!

Пытливо изучаем белый свет,
Лишенный основных своих примет:
В пространстве сна отсутствует завод!
А значит, нет трубы индустриальной.
И дыма нет. И мир еще нормальный.
Народов тоже нет. Мы — весь народ!
А что рисуем? Нежные сердечки!
Потом танцуем. Мы же человечки.
Но как танцуем?.. Как-то так, от печки...
Изводим стеариновые свечки,
Как школьники — рука к руке — сидим
И в буковки славянские глядим.
И очень энергично пишем сами,
Вдохновлены Эдема небесами!
А пишем зря!.. Я сам не сразу вник:
Еще издательств нет на белом свете,
И каменные рукописи книг
Висят на поэтессе, на поэте...
Но это будущее наше. А пока
Кириллицы не ведает рука.
И мы не знаем наших жарких рук!..
Ты мне — сестра. А я — твой верный друг.
Глядим куда-то вдаль и друг сквозь друга.
Куда глядим... Ни Севера, ни Юга,
Ни Запада с Востоком нет вокруг,
Есть только Сад!
Твой каждый взгляд упруг!
А небосвод прозрачен и прекрасен!
И, наблюдая данный небосвод,
Мы рядышком лежим на глади вод,
И каждый абсолютно безопасен,
Хотя со всех сторон — запретный плод!
Ведь это — Сад! И яблок полон он!
И всех плодов полно! Арбузы, дыни...
В тебе — огонь языческой богини!
От наготы твоей — Вселенский Звон!

Но как назло не оказалось Змия!..
Поскольку ты — не Ева, а Мария!
Поскольку не Адам я, а Иосиф!
Какое имя! Откажусь от рифмы!
И вообще мне эти параллели,
Где пушкинский летает голубок,
И тоже небосвод высок, глубок,
Иосиф-плотник — очень надоели!
И позабыть бы вовсе этот миф!
Но он ведь — не апокриф, а канон!
И тоже всяких яблок полон он,
Сияет, атеиста изумив!
Как вспомню этот миф и смысл его,
И странного Иосифа того,
И ту необъяснимую Марию,
Я чувствую природных сил стихию,
Во мне мое бунтует естество!
А в голове летает мыслью рой,
И говорит лирический герой,
Что он не верит ни в какой обман!
И ставит имя пламенной печатью:
Юсуф Куралов ибн Абдурахман —
Несклонный к непорочноМУЗачатью!
Отвлечся вновь. Вернемся в сон и в Сад,
В котором — ни забот и ни досад.
А только после сна была досада:
Очаровало нас пространство Сада
Настолько, что мы до сих пор — в мечтах...
Но по порядку далее. Итак,
Мы были в самых солнечных летах,
И, как заметил я, в большой тоске,
Стволы стояли, ветви тяжелели,
А мы с тобою яблонь не жалели,
А только рисовали на песке.
Я постоянно приносил цветы.
И, прикасаясь жаркими перстами,

За наготой не видя красоты,
За красотой не видя наготы,
Повсюду украшал тебя цветами!
И на тебе, не просвещенной Змием,
Сам ничего не зная про объятья,
Я создавал невиданные платья!
И назывались платья — Смерть Мариям!
Всем остальным! Увидят и сгорят!
От зависти и от всего подряд!
И ты цвела! Цвели твои убранства!
А я перед тобою падал ниц!
Вокруг тебя — цветущее пространство!
Вокруг тебя — цветное пенье птиц!
Я, опьяненный вновь тобой и Садам,
Был занят день и ночь твоим нарядом!
И уставал как Бог, и спал как Бог,
Не чувствуя ни рук своих, ни ног,
Ты в тех же чувствах засыпала рядом!
Наверно мне простительно: юнец,
Глупец!.. А Змий каков?! Где был, подлец!
Он — спец! А сон приснился не в субботу,
В рабочий день! Я не могу простить:
Ведь должен был явиться на работу
И нас во сне хотя бы просветить!
Или сказать однажды Сатане,
Пока еще открыта эта тема,
Что Змии не работают во сне,
И надо их уволить из Эдема!
Змий прогулял, а мы взялись за дело:
Прославив дух, не замечая тело,
Построили вдвоем песочный храм!
И долго жили в том воздушном храме.
И нежными природными дарами
Сияла ты в его оконной раме!
Притом из всех его оконных рам!
Я тряс тебя, как яблоню в раю!

Плоды познания спелые летели,
Не проникали в голову мою
И разбивались на звенящем теле!
Живя с тобой в одном прекрасном храме,
Но, вспоминая плотника с дровами,
Я ноль вниманья придавал дровам
И не отапливал воздушный замок!
Я просыпался рано по утрам
И, вырываясь изо всяких рамок,
Оказывался сразу на коне!
Крылатый конь летал по всем мирам —
Я побывал на том и этом свете!
А ты в окне вздыхала обо мне.
И тоже на другой жила планете.
И там слагала драмы о землянах,
Забыв о наших солнечных полянах!..
Но кто же — ты?
И кто же этот — я?
И долго ли еще наш сон продлится?
И не пора ли нам с луны свалиться?
И в первый день весны опять влюбиться
Друг в друга, как в начале Бытия!
А если нет — поникнем, как цветочки,
Ни Время, ни Пространство не вина,
Под лампочками головы склоня,
Таким дуэтом не исполнив дочки,
Похожей на тебя и на меня!

Воспитанный в своей Сибирской Спарте,
Во сне Эдемом солнечным согрет,
Совсем иные сны я видел в марте
И дополняю пламенный привет!
Читай! Расскажет каждая страница,
Какие видит сны, когда не спится,
Один твой современник и поэт.

...Двадцатый век. Семидесятый год.
Покрыт культурным слоем небосвод.
И ночью не видать небесных тел.
А на земле тебя я разглядел:
Девчоночка — сплошное загляденье!
Талантливее многих поэтесс,
Интеллигентка в первом поколеньи,
И жгучий вызывают интерес
Стихи в твоём красивом исполненьи!
Вокруг тебя сверкает каждый атом!
В девятом классе ты, а я в десятом.
Мы на пороге жизни, как на старте.
Стоим, стоим...
Не объявляют старт!..
И позабыли мы портфели в парте,
И прогуляли вместе целый март!
Я на год старше! Полон оптимизма!
Мне нравятся старания твои!
Ты мне читаешь свод соцреализма!
А я тебе читаю А. Виньи!
И если «женщина всегда ребенок»,
Как молвил упомянутый француз,
То юбка на девчонке — вид пеленок,
И нет тебе, ребенок, равных Муз!
Соседка по квартире коммунальной,
С пеленочек — любимая моя!
Ах, Боже мой! Такой сюжет банальный,
А может быть, отчасти криминальный,
Ну разве смог бы сам придумать я?
Гляди! Идут прекрасные созданья
Ветхозаветного воспоминанья!
(Ты помнишь их?
Ты помнишь те свиданья?
Ты помнишь наши страстные страданья?!)
Ведь, разглядев во тьме ученья тело,
Они идут, решительно и смело

Природы юной выполнив заданье
И сокрушив до самого предела
Библейскую основу мирозданья,
После уроков — прямо в здание школы!
...Застигнутым на месте преступленья
Техничками иного поколения,
Теперь нам долго не спрягать глаголы!..
Теперь идем — и всюду тает снег!
А подо льдом кипит волна, играя!
Нигде не предусмотрен наш ночлег:
Нас только утром выгнали из рая!..
И по указу грозного райкома —
Из школы! А родители — из дома!
А нам плевать, хоть школа вся — сгори!
Вот так и заявляем добрым людям:
Мы мокрые от влаги изнутри,
Но эту школу мы тушить не будем!
Не хлюпай носом, девочка, напрасно!
Не стоит думать о духовном корме!
Прекрасная, ты выглядишь прекрасно
В распахнутом пальто и в школьной форме!
Ты в самом лучшем из своих нарядов!
И нам легко ладонями сливаться,
На площади центральной целоваться,
Сиянием взаимным покрываться,
В упор не замечая мрачных взглядов!
Чего глядят?! Ах, ты опять нагая!
Как хорошо в пространстве нам двоим!
Ура и слава прелестям твоим!
Спартанскую общественность пугая,
Держа в руках цветного попугая,
Посередине города стоим!
А попугай не любит местный мрак
И сообщает мраку: сам дурак!
А мы с тобой юны и влюблены!
Влюбленные всегда обнажены!

И раз, и сто, и тыщу раз подряд!
И это тоже лучший твой наряд!
Зато цветет сибирский город-рай!
Он — пуп земли и света самый край!
Как птичек райских щебет безмятежный,
Земных трамваев трели раздаются!
И волосы твои на плечи льются
Волною теплой, ласковой и нежной!
А люди добрые уже смеются,
Но в Спарте март опасен вьюгой снежной!
Она за собственным хвостом в погоне —
Над городской звенящей райской кущей!
И снова поднял я свои ладони
И утопил в твоей волне влекущей!
И на снегу затрепетали розы!
И умер Всекузбасский Паровоз!
Поэзия была прекрасней прозы!
А ты — прекрасней самых алых роз!
Ты девочка была уже большая!
И на глазах у замершей толпы,
Твоей красы ничуть не уменьшая,
Ладони обжигая о шипы
И кровь холодным снегом погашая,
Я на снегу собрал Букет Судьбы!
И не букет — огромную охапку!
И бросил всю, что было силы, вверх!
Как в облака забрасывают шапку!
И это был фонтан и фейерверк!
Вокруг тебя — цветное пенье птиц!
Вокруг тебя — цветущее пространство!
И в небосводе нет глухих границ!
И на тебе — невестино убранство!
Твоя рука — в реке моей руки.
И льются пальцы словно ручейки.
И оба мы поем, как два ручья.
Я до сих пор ничей. И ты ничья!..

И где, когда, какой поэт нормальный
Всей азиатской силищей в крови
Воспел не город — Гроб Индустриальный,
В котором невозможен Сад Любви!..
И жаль мне рок-н-роллов в радиолах!
И первых твистов в городских садах!
И жаль, что мы сегодня — в разных школах.
И поселились в разных городах.
Давным-давно уже — не те цветочки!..
И не проснемся в прежней оболочке,
В звенящем мире, в центре бела дня,
Природой не лишённые огня!
И только врозь, и лишь поодиночке
Устраиваем творческие ночки,
Под лампочками головы склоня,
Доныне в ясной памяти храня,
Что были мы когда-то младше дочки,
Похожей на тебя и на меня!

Свой путь от полководца до поэта
Прошел, всех победил, кричу: ура!
Есть в мире ты! И тема только эта
Заслуживает сабли и пера!
И вновь к Последнему прорвался морю,
Чтоб в нем тебя из пены возродить —
Как Афродиту! И с Батыем спорю,
И рецензента должен убеждать,
Что чистый свет несущ в любой руке,
Не тьмы Орды за мной пылят на марше!
И о любви своей славянке Маше
Я говорю на русском языке!
Я говорю: лети, коль воспарила,
Туда, где вовсе не было Марусь,
И набирайся силы у Ярилы —
Как древняя нетронутая Русь!

Чего бы ты потом ни говорила,
Оттуда вся навстречу мне беги!
Гори, Мария, горячей Ярилы,
Меня огнем весенним обожги!
Но почему-то даже в светлой ноте
Мерещатся могильные кресты...
Читатели, вы все сейчас поймете.
Читатели меня поймут.
А ты?
Уж после этих слов зачем скрывать,
Что я тобой пытался торговать.
И рецензента вывод эпохальный
Цитирую: «Герой зело нахальный.
Татарин — он. С эпохой не в ладу.
И сокрушил основу мироздания.
И правильно разрушили Орду,
Любовнику младому в назиданье!»
Очередным ответом в лоб ударен,
Шел, как солдат, сквозь бесконечный строй
И думал: кто сегодня — не татарин?
И кто в эпохе этой — не герой?
Отлеживался, поднимался снова.
И вспоминал: «Вначале было Слово».
Им Бог владел. «И Слово было Бог».
И я, как меч оттачивая слог,
Желал вступить с эпохой в диалог.
Но, позабыв о Слове и о Боге,
Эпоха не нуждалась в диалоге.
Везде стояли каменные двери.
Клубясь горячим юношеским паром,
Я пребывал в такой наивной вере,
Что двери вышибал одним ударом!
(Мне так запомнилось по крайней мере.)
И усадив на стул одним кивком,
Мне говорил всевидящий райком:
— Товарищ Недопуганный-Бесстрашный,

Куда с побитым рылом в ряд калашный?
Куда вы с вашим голым кулаком?
Рука должна быть до плеча мохнатой!
А без руки — гребут деньгу лопатой!
В Державе Дух кует одна Столица!
Периферия может провалиться!
Или напиться и опохмелиться,
Подобно незабвенному Хайяму.
А ваш талант скорей заройте в яму.
Тем более, здесь очень много ям.
— Товарищи! Но пил ведь не Хайям!
А пил герой его. Мужчина страстный!
Он шел любви стезей огнеопасной!
И никуда никак не мог свернуть,
Целуя самых юных гурий в грудь!
— Про грудь ни слова! Грудь — святое дело!
Есть грудь одна! Она при орденах!
Ее воспеть! Решительно и смело!
— Но девы юной пламенное тело...
— Молчать про тело! Тело одряхлело!
— А я принес поэму о слонах...
— Вам сказано! Так исполняйте долг! —
И вот тебе с эпохой диалог.
Периферию любят министерства:
Труба дымит! Завод гудит с утра:
Вставай, Кузбасс! Пора! Вперед! Ура!
Зияет сквозь затраченные средства
Всея Сибири черная дыра.
Покрыты черным снегом наши розы.
Живут в Кузбассе только паровозы.
Сплошное черно-серое кино.
Эпоху вытерпел — в глазах темно.
В пространстве собираю света крохи.
А может быть, дела не так уж плохи?
Хотел полезным быть своей эпохе!
Хотел полезным быть!.. И все равно

Я не ходил стезей презренной прозы.
А, наплевав на все ее угрозы,
Пил молча всенародное вино,
Свой бесполезный разум добивая,
Топя талант, зато не зарывая!..
И в том самостоятельность была.
И не было ни дома, ни угла.
Я засыпал в пивбарах, у стола.
А просыпался, мучаясь, зевая,
В холодной мгле последнего трамвая.
За окнами метелица мела.
А жизнь стояла. Или мимо шла?..
А в сердце ныла тонкая игла.
И в этой же эпохе ты, живая
И страшно одинокая, жила.
А я, чтоб вечером не застрелиться,
Уже с утра травился коньяком.
Но от тебя ничем не отравиться:
Со всех сторон — твои живые лица!
Надежней невозможно опьяниться!..
Живу вдали, а как под каблуком!
И по ночам бужу тебя звонком,
Тебе в любви желая объясниться,
Как будто не с тобой сто лет знаком.
И сам сто лет хочу тебе присниться,
Моя необъяснимая девица!
Кому еще могу душой излиться!..
А ты по телефону говоришь,
Чтоб я опять к тебе летел, как стриж!
И мало толку — на эпоху злиться.
Но в телефонной трубке голос тонок!..
Любимая! Любимый мой ребенок!
Хочу любви без телефонной трубки!
Лети сама на крылышках голубки!
А я с разгона улетал в Париж!
И там бросался с Эйфелевой башни!

И долго падал до парижских крыш,
А приземлялся на сибирской пашне.
И видел всю Кузбасскую Трубу.
И закрывал свой третий глаз во лбу.
И снова поручали мне в райкоме:
Не замечать в ночи небесных тел
И воспевать трубу во всем объеме.
И видишь ты, что я ее воспел.
И новая кипит в ладонях сила!
И не сразит меня простой инфаркт!
Теперь не знаю, где моя могила,
Но то, что не в Кузбассе, это — факт.
Лежат в пустыне каменные слезы.
В ресницах сухо. В горле смех и стон.
Просматриваю эпохальный сон.
И непонятны мне метаморфозы.
Представь себе, что я — твой тигр ручной!
Нестарый и забывший про рычанье.
На всю Сибирь горит огонь печной.
А жизнь — исполненное обещанье.
И не грозит нам духа обнищанье.
Ты за столом с прямой спиной сидишь.
А я ковром в ногах твоих валяюсь.
Тобой люблюсь я и удивляюсь:
Романы пишешь, сутками не спишь!
Рыча, мурлыча, полон царской лени,
Тяжелой лапой стан твой обовью,
Слезами обожгу твои колени,
Накрой ладонью голову мою!
Писать стихи? Пиши напропалую!
А я устал. И Боже упаси!
Одной рукой, коль можешь, крест неси,
Но от меня не отнимай вторую,
Несовершенный разум не гаси!
Держи ладонь в моей тигриной шкуре
И белым днем, и ночью голубой.

И образы пойдут к тебе гурьбой.
И круглосуточно в литературе
Живи, забыв, что я живу тобой,
Не озверев от пищи овощной,
Не допустив трагического вздоха!..
Хотя застоя кончилась эпоха?
Разрешено вздыхать? Так знай: мне плохо!
Мне плохо без тебя!

Твой Тигр ручной.

Господь храни тебя, мое несчастье!..
Вокруг тебя я мог бы мир вращать!
А мог бы разорвать тебя на части
И в городском зверинце одичать.
Когда лавровый лист увижу в супе,
В тот миг вместо ответного письма,
Ты, поэтесса, в раскаленной ступе,
В мои объятия вылетишь сама!
Письмо последствиями нам чревато.
А я люблю летать по виражу!
И ты, девица, очень виновата,
Что в жарком танце я тебя кружу!
Так осушай с космической силой
Все волны слез любовного письма!
И утешай меня улыбкой милой!
И окрыляй родимый край бескрылый!..
И украшай его пейзаж унылый,
В моих глазах красивая весьма!
А в оправданье всех моих затрат
На персональный блеск твоей премьеры,
Твой бенефис и наш физкультурпарад,
Заполнивший все площади и скверы,
Скажи на ухо тихо, нежно: «Гад,
Ты превратил мой образ в агрегат
Для чистки вашей мрачной атмосферы!»
Вблизи тебя не находясь в кручине,
Отвечу, как положено мужчине:

Конечно, гад. Но по другой причине:
Я сам — твой Змий! А Змий, известно, гад.
И ты — не агрегат. Ты — Дева-Сад,
В котором я познал и рай, и ад,
И розы, и пьянящий виноград,
Собой расплавив льды сибирских рек,
Ведь я по крови — южный человек,
Наполовину как-никак узбек!
И на моей шинели — аромат
Твоей неувядающей шанели!
В ней растворились все мои шинели!
И я с тобою очень ошалел!
А ты со мной не очень ошалела!..
Я плакал над тобой! Тебя жалел!
А ты не плакала и не жалела!..
И не жалея, что потерял татарин
Свою славянку на ее Руси,
И улетает в Космос, как Гагарин!
И черт возьми! И Господи, спаси!
А может, улетим с тобою вместе —
Сквозь нашу Вавилонскую Трубу?
Ты только согласишься! И честь по чести
Устрою все! И упрошу судьбу,
Чтоб засияло платье на невесте,
Уложенной со мной в одном гробу!
Какой мираж! Коллега! Маша! Муза!
Давай в гробу уедем на Парнас!
Пусть две организации Союза
Писателей оплакивают нас!
Зато познаем при честном народе
Сырой земли космический уют.
Тем более, что это вроде в моде:
Сперва убьют, а после признают!
И мы, слезой признания согреты
Как молодые модные поэты,
Пропишемся спокойно там и тут

(Тут — гроб! Темно! И никаких просветов!
А там — Литературный институт...),
И нас как вечно молодых поэтов
В Отечестве родимом издадут!
Воспитанный в своей Сибирской Спарте,
Тобою с детства признанный поэт,
Стою один, перед трубой на старте!
Ответь: летишь со мною или нет?
Прощай, моя Туманность Андромеды!
Твои стихи про школьный наш роман
Вчера читал в журнале. С Днем Победы!
Но почему так режут? Людоеды!..
Целую нежно твой Цветной Туман!

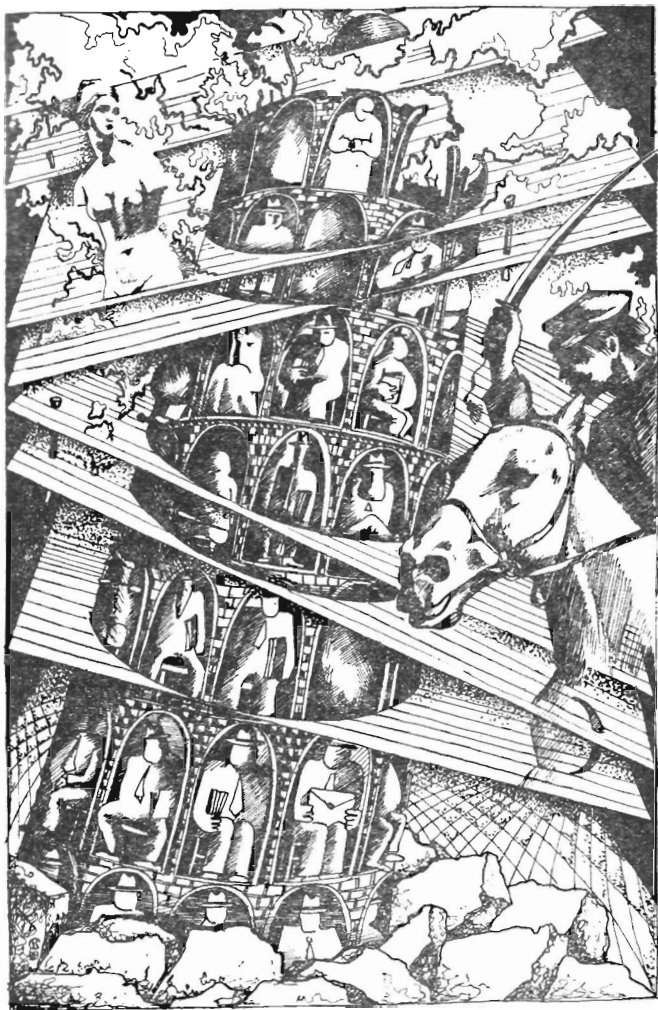
Юсуф Куралов ибн Абдурахман.

XX век. 30 число.

(А год и месяц время унесло.)

P. S. — да по-латыни, да со скрипом,
Машинка «Маша» выбила сама!
А я не предусматривал постскриптум
В Пространстве и во Времени Письма.
Но доведет ли дело до ума
Мой механизмик импортный? Мой — ты!
Стрекочет в полном блеске красоты,
Лишь успевай отбрасывать листы!
Иль ты сама летаешь над строкой?
Я что-то позабыл? Напоминаешь?
Но что? Я так и знал, что ты не знаешь!
Сейчас схвачу за крылышки рукой!
Ах, да! Ты в детстве мне казалась полькой!
И после дерзостной работы столькой,
Бессонной деятельности такой
Скажу:
— Ма-р-р-ры-си-чка! Прощенья прошу!
И от Парнасских крупноблочных стен,
И от Парижской крыши вместе с тем,
И от Кузбасских виноградных лоз —

Конверт с письмом аж до Варшавы брошу!
Из облаков увидев город Н.,
Письмо прольет в полете дивень слез
Со всех своих расплавленных страниц
На тысячу твоих прекрасных лиц!
В пеленках, в школьной форме, на метле,
В гражданках, в иностранках и в наядах,
Во всех неописуемых нарядах —
Ты у меня в единственном числе!
Когда дышали мы в уста устами,
Еще не просвещал меня Господь,
Что ты меняешь имена и плоть,
Что ты одна — под всеми именами.
А птицы снова связки в горле рвут!
Ты снова превращаешься в другую!
Теперь не знаю, как тебя зовут!..
И никогда тобою не торгую!
С библейских дней люблю тебя одну.
И вижу всю, едва прикрою веки.
За все на свете чувствуя вину,
Иду к тебе, как мусульманин к Мекке.
И в Нежелезном Двадцать Первом Веке
Опять рукой к руке твоей прильну.

ТРИДЕСЯТОЕ ПРОСТРАНСТВО,
ИЛИ ПОЯСНЕНИЯ К СЛУХАМ О КРИШНАИТАХ

Экологическая сказка

Во глубине сибирских руд...

А. Пушкин

— ...Бороду не бреют, голову бреют, мяса не едят, от всех болезней лечатся голоданием, водку не пили еще до Указа и сейчас не пьют, читают самодельные толстые книги...

— Йоги, что ли?..

— Кришнаиты!..

— Ого! А кто они?

— А Бог их знает...

*Отрывок диалога
на углу Тридесятого Пространства*

1

Я не работаю в пехоте!
Не потому что на войне
Или в тоске о Дон Кихоте,
А потому что — на коне!
Вы, может быть, меня поймете:
На всякий случай, я — в броне.
С хорошей саблей на боку.
И равнодушен к табаку.
И вспоминаю, что однажды
Томился от духовной жажды,
И с неба выпало письмо.
Оно себя прочтет само:
«В одном Пространстве Тридесятом
Зашевелились кришнаиты...
И, Божьей волею, небриты,
Они выходят, брат за братом,

На белый свет из почвы местной,
Не глядя в местный свод небесный,
С большими книгами в руках,
В отечественных башмаках.

Страницы медленно листают
И впитывают свет из книг.
Как по чуть-чуть они впитают —
Так сразу разумом блистают!
Сверкнут, блеснут, и в тот же миг
В густом-густом тумане тают...

В тумане том зарыт завод,
А рядом с ним — другой завод,
А также третий есть завод,
А далее — четвертый, пятый...
А всех заводов — целый взвод,
А все Пространство — сверхзавод.
А вместо крыши — небосвод,
Дыханием трубы объятый.

Одна огромная труба
Стоит в Пространстве Тридесятom.
И отравляет каждый атом
Со всех сторон любого лба.

И в дым родной трубы зарыты,
Имея третий глаз во лбу,
В упор не видят кришнаиты
Свою огромную трубу.

А может, это — те же йоги
Над головой возносят ноги?
Беседуют за чашкой чая,
В себя Пространство помещая,
И кровь пульсирует в виске,

А жизнь висит на волоске.
Вода и воздух — провианты,
А мяса не едят, мутанты,
Ни в коей, даже в малой мере,
По ихней кришнаитской вере.

Зато преодолели пьянство!
И каждый заживо прощен!
И в бритый череп заключен.
И в Тридесатое Пространство
Вход посторонним воспрещен!»

2

Но я прорвался — на коне!
С хорошей саблей на боку!
И замер конь на всем скаку!
И сердце дрогнуло во мне:
Все так!

...Труба, завод, завод...
Индустриальный небосвод...
Густой туман, противный запах...
Где север, юг, восток и запад?
Ведь не видать небесных тел!
А где земные кришнаиты?!

Я кое-как их разглядел:
С Пространством темным тесно слиты,
Они недвижимые сидели
Вокруг своей родной трубы.
И молча напрягая лбы,
Во глубь самих себя глядели.
И еле-еле-еле тлели...

— Ребята! Вы давно не ели!
И, опьяненные трубой,
Вы зря любуетесь собой!
Пространство ваше — на пределе!
Да бросьте вы, на самом деле,
Молиться на свое меню!
Здоровый дух — в здоровом теле!
Я вам кобылу пригоню!
И, крикнув ей: — Прощай, кобыла! —
Сверкну до неба светлой сталью!
Чтоб дым небесный кровью смыло!
И засияла даль — за далью!
Зажарим тушу! Попируем!
И в твердь земную замуруем
Сухие письма костей:
Пускай потомки ждут вестей!
А к вам вернуться ваши силы,
Чтоб их потомкам передать!
И хватит жить, расслабив жилы,
И от родной трубы страдать!
Засучим наши рукава
И по уму начнем трудиться —
Труба в Пространстве растворится!
Из тверди вырастет трава,
А мы наполним души полднем,
Посмотрим в небосвод и вспомним,
Какого цвета
Синева.
И, тратя силы не по смете,
Посадим сад на белом свете!
И в мир гармония вернется,
Во всей естественной красе!
К нам прикоснется и проснется,
В цветах, в мечтах, в слезах, в росе...

Я все сказал! И жду ответа! —
Молчат... В трубу летит планета!..
Молчу... Вдыхаю сквозь трубу
Пространство, время и судьбу.
Молчим...

МОЛЧАНЬЕ — ЗНАК СОГЛАСЬЯ!

3

Я, окрыленный, в одночасье
Нашел табун почти что рядом!
Желая накормить парней,
Кобылу выбрал пожирней!
С монголом рассчитался взглядом!
И вдруг некстати, в братском споре,
Напомнил о Последнем море,
Мол, погуляли на просторе?

Монгол — хозяин тех степей,
Он понял так:
Гостеприимный
Принес ведро кумыса — пей!

И, к нашей радости взаимной,
Мы с той поры с монголом квиты!

Но ждут в Пространстве кришнаиты!
И песня рвется из груди!
И жаль, не видит Василиса!
Кобыла мчится впереди!
А я за ней, с ведром кумыса!
Ни капельки не расплескал,
При том, что не летел — скакал!
Кобылу подогнал к трубе —
И хоть бы звук в ответ тебе!

Еще надеясь вызвать звук,
Всем постучал — и в грудь, и в спину.
Не отвечают и на стук...
Собрал с них молча паутину,
Завесил скорбную картину —
И хватит мне душевных мук!
На кришнаитскую рутину
Махнул рукой!..

Сел на коня.
На месте сабля и броня.
И посетила мысль меня,
Что под трубой травился зря!

Пространство сонное браня,
Но лишних слов не говоря,
Сошел с любимого коня.

Кобылу вмиг освежевал.
Развел костер. Зажарил тушу.
И сам с собой попировал.
Отвел некаменную душу.
Кумыс кониной зажевал.

И вспомнил все свое желанье.
И высек на костях посланье —
На имя каждого потомка!
Сухие письма на костей
Отправил в твердь.
И крикнул громко:
— Пускай потомки ждут вестей! ---

Ну вот и сделал, что хотел.
Стою ногами на планете,
И больше нет достойных дел,
И одинок на белом свете.

С кем сад сажать?
С кем спор держать?
Куда девать такую силу?!
Иль снова на печи лежать?..

Допил кумыс, доел кобылу,
Оплакал бедную, прилег
На шкуру...
Тает уголек
В костре...
Задумался устало...

О чем? Да обо всем подряд!
Вот мысли! Тыщами горят!
Одну обдумать — жизни мало...

4

И вдруг поверхность тверди темной
Пробил и стал ребром огромный,
Огромнее трубы,
ВОПРОС.

Неужто из костей пророс?
Загадка бедному уму?..
Но кости вслух не говорят...

И у меня вопросов ряд:
Какой ВОПРОС?
ВОПРОС кому?
О чем ВОПРОС
И почему
Поверхность данного ВОПРОСА
Имеет вид стального троса?
И необъятен данный трос.
И непонятен мне ВОПРОС.

И как понять?..
Имеет вид:
Блестит!
Прислушался:
Гудит...
Потрогал:
Не имеет плоти!..
Я обратился вслух к нему:
— Какой ВОПРОС?
ВОПРОС кому? —
А он мне: у-у-у...
И снова: у-у-у...
А вы такой ВОПРОС поймете?
Спиной уперся в небосвод...
А головой — во тьму земную...
Иль указаний снизу ждет?
Иль вспоминает жизнь иную?

А может, дело в атмосфере?
Пространства связывая нить,
Я самому, по крайней мере,
Себе пытаюсь объяснить:
Какой ВОПРОС?
ВОПРОС о чем?
...Стоит, одета кирпичом,
От самой головы до пят,
Труба. И производит яд.
И кришнаиты спят и спят...

И я приехал к ним некстати?
(Давным-давно, в эпоху лжи.)
С трубой общаюсь в результате..
И тоже вижу миражи?..

Вдыхая эту атмосферу,
И потеряв терпенья меру,

Я обратился к Люциферу:
— А может, это — ты?
Скажи,
Твое очередное хамство?
Уймись ты хоть на полчаса!
Видало бедное Пространство
И не такие чудеса! —
И понял по молчанью сфер,
Что ни при чем тут Люцифер.

И побежал мороз по коже!..
Пространство втягивая носом,
Я, атеист, подумал: «Боже!..
И понял: все мы под ВОПРОСОМ.
Потомки под ВОПРОСОМ тоже.

И только понял, как нарочно,
ВОПРОС качнулся, вспыхнул мощно,
Минуты три светился ало,
Потом погас. И пусто стало.
В Пространстве воцарился мрак.
И понял я, что понял точно,
Как всякий Сказочный Дурак.
(Хотя не понял ничего.
Не понял я — ну что с того?..)
И сделал следующий шаг.

Во мраке полном, смело, сдуру,
На путь ступая неизвестный,
Схватил рукой кобылью шкуру,
Швырнул ее во мрак небесный!
Услышал в небе страшный гул.
И на сырой земле уснул.
И снится стало что попало
На переполненный желудок:

...Труба огромная упала!..
 ...И постепенно утопала
 В цветущем море незабудок!..
 ...Ах! Миллион девичьих грудок!..
 ...И вспыхнул воздух от грудей,
 Во всем объеме светлых дней
 Дурацкой юности моей...
 ...Ай! Ай-яй-яй! Ой-ой! Ей-ей!..
 ...Мешками старыми прикрыты,
 Сжимая крепко посошки,
 Бредут в Пространство кришнаиты...
 ...И превращаются в мешки...
 ...Стоят и давятся смешками...
 Или прикинулись мешками?..
 ...А в дырки сыплется песок...
 ...В деревьях засыхает сок...
 ...И нет деревьев — всюду пни...
 ...На каждом пне сидит мешок
 И шелестит: усни, усни...
 ...Оградки...
 ...Кладбище пеньков...
 ...И вроде, непростые пни...
 И непонятно, кто — они?..
 И сколько каждому веков?..
 ...По пять веков сидят мешки,
 Не выпуская посошки...
 Похоже, не в своих санях...
 Ведь каждый пень мешком зажат...
 ...Вдруг, что-то написав на пнях,
 Мешки отходят...
 ...И лежат,
 Прикрыв колечки годовые,
 На пнях фанерные дощечки...

...И я читаю:
«МОЛОДЫЕ»...
И нарисованы сердечки...
А никаких фамилий нет...
Не указали даже пола...
Лишили основных примет...
Прохладно, сухо, глухо, голо...
...Хожу по кладбищу, гадая:
Где — «молодой»?..
Где — «молодая»?..
...Конечно, им не до объятий...
Узнать хотя бы род занятий...
Кто зоотехник?
Кто поэт?
Кто тунсеядец поневоле?
А кто б возглавил Сельсовет?
А кто бы поднял наше Поле?
...На каждого нашлась дощечка...
...Сон разума...
...Умов утечка...
...А вот на этом пне — «Аптечка»...
Такой молоденький пенек...
А погляди, как занемог...
Ого! Да он познал инфаркт!..
...Мешкам приятен этот факт...
Они его и сбили с ног...
У них — ни сердца, ни башки...
Мешки — они и есть мешки...
...А что творится с атмосферой!..
В ней цвет преобладает серый...
И всюду пахнет этой серой...
Везде — мешки!.. Мешки — везде!..
Тоскливо, скушно, душно, праздно,
Однообразно, безобразно!..
А где же ЛЮДИ? ЛЮДИ где?!
...Взошел из тверди тонкий колос,

В Пространстве вспыхнул женский голос:
— Давно уж вымер род людской.
И только звезды смотрят слепо,
Со всей космической тоской,
Во мрак космического склепа.
Вокруг родной звезды, уныло,
Мешками серыми пыля,
Летает братская могила,
А мы ее зовем Земля.
Лежат в земле кобыльи кости,
Летят к своим потомкам в гости... —
Погас в Пространстве нежный голос,
Забился в землю тонкий колос,
В руке остался... конский волос...
...Вдруг ветром принесло газету...
Узнал названье, век и год...
И развернул газету эту,
И постелил на всю планету:
Пускай читает небосвод...
Пускай он думает над нею...
Он — небосвод, ему — виднее...
...И, наводя тень на плетень,
Сквозь шрифт прорвался юный пень!..
И сразу крутит головой,
Послушный, серый, деловой...
...А этот пень о чем мечтает?..
На нем уже и снег не тает...
А он летает и летает...
Года идут, мелькают дни...
А он их вовсе не считает!..
КОШМАР! — летающие пни!..
...Стою со всех сторон в снегу
И тоже поддаюсь соблазну —
Взлететь!

Взлетел!..

И в чем-то вязну!..

ХОЧУ ПРОСНУТЬСЯ — НЕ МОГУ!..
Куда ни глянь — Пространство сна!..
Но давит даль, и ширь тесна!..
...И прямо с высоты полета
Засасывает всех... болото...
...Не отпускает царство сонное...
Вошел в него — и сам не рад!..
...Какое кладбище огромное!..
И ведь под каждым камнем — клад!
...Какой у нас талантов склад!..
...И все во мраке ищут блат!..
Вот участь!.. Не бывает гаже!..
И стонут бедные пеньки!
И на постах, в служебном раже,
Сидят мешки-кладовщики
И вовсе ветхие мешки —
Кладбищенские сторожа,
Винтовки верные держа...
...105-й пень пошел в атаку!..
Рычит, как будто озверел:
«Я в этом деле съел собаку!»
...А я, дурак, кобылу съел...
...Опять знакомая аллея...
А вот — знакомая моя...
Стою, знакомую жалея...
...А это — кто?..
А это — я!..
...И я под той плитой лежу?..
И никуда не выхожу?..
А выхожу — так под плитой?..
Что ни скажу — то звук пустой?..
Я понял! Все мы — кришнаиты!..
И те мешки, и эти пни...
Собой забиты и зарыты,
«Мы» те же самые — «они»...
...Хотя у всех свои носы,

Черты лица, оттенки кожи,
У некоторых есть усы,
Но все на всех во всем похожи...
...При самом ярком свете дня
Не отличить мешок от пня!
...Уже куда-то мы идем...
Мешки и пни! Шагаем вместе!
...Под мокрым снегом и дождем...
...И слышим траурные вести...
...В Пространстве стонут все столбы:
Труба огромная упала!..
У нас родной трубы не стало!..
И нет у нас другой трубы!..
...Мы, без столбов, все знаем сами:
Мы жить не можем без трубы!..
...Стоим с поникшими носами...
Рыдаем всеми голосами!..
И не сдаемся без борьбы!..
...Мы на своих плечах трубу,
В объеме всем и в блеске всем,
В цветах, в слезах, в большом гробу,
Вперед фундаментом несем!..
... А самый главный кришнаит
У всех у нас в глазах стоит,
Рукой указывая в даль,
Лицом похожий на медаль...
Стоит, хоть правды нет в ногах,
В державных черных сапогах...
Стоит!.. — ко всем живым спиной,
На пьедестал собой поставлен,
Его фамилией стальной
Индустриальный мир раздавлен!..

Проснулся — прилетела шкура!
 Как на посылке швы зашиты...
 Расшил: какая-то скульптура...
 Живая!
 Дочка Афродиты!
 Гармония!
 Светла!
 Юна!
 Девчонка — звонче, чем струна!
 И безмятежно спит она,
 На небесах воспитана,
 Красавица! Совсем невеста!
 Всему на свете знает место!

Открыла ясные глаза,
 И в небе дрогнула гроза!..
 И Древнегреческое тело
 В Пространство дымное взлетело!
 И светом солнечным задело
 Его дремучую гордыню!
 И диким хохотом металла
 Пространство встретило богиню!
 Колесами заскрежетало!

То мрак, сопротивляясь свету,
 Досрочно выполняя план,
 Решил остановить планету:
 На всем ходу сорвал стоп-кран!
 И товарняк на всем ходу
 Со стоном врезался в звезду!
 И с места сорвалась труба!
 А следом раздалась пальба!

Богиня, вспыхнув, как светило,
Чтоб мраку силы не хватило,
Сама Пространство освещала!
И мир вокруг себя вращала!
И свет повсюду воскресила!
Юна, светла! — вот это сила!
Но это было лишь начало...

А дальше видеть я не смог!..
И, чтобы не свалиться с ног,
Закрыв глаза, к коню прижался!
А он и сам едва держался!
И словно жеребенок ржал!..
И весь дрожал!.. И я дрожал!..
И кто из нас кого держал?
И где уж нам с трубой сражаться?
Хоть на планете б удержаться!..

Мужчины!.. Гордость и твердыня!..
Пространства терпим произвол!..
С трубой сражается богиня!
И представляет слабый пол!

А звуки! Тяжкий рок пошел!
(И где ты, юный рок-н-ролл?..)
Какая звуков круговерть!
Вдруг слышу в этой круговерти:
Бах! — под трубой разверзлась твердь!
Ба-бах! — труба исчезла в тверди!

СПИ ТАМ, КАК МАМОНТОВЫЙ БИВЕНЬ!

И вспыхнул молний миллион!
И грянул гром! И хлынул ливень!
И с твердью слился небосклон!
И вечность шла! И ливень длился!

И я живой воды напился,
Пока лежал под самой тучей,
Никем от молний не храним,
Надеясь на счастливый случай!
И вновь услышал звук могучий:

Мир, черно-белый, стал цветным!
И превратился в сад цветущий!
Ты долго ждал, встречайся с ним!

Я медленно раскрыл глаза:
Сияет дева, как слеза,
Сквозь васильковое убранство...
И гладит моего коня...
И поглядела на меня!
Я не видал прекрасней лиц!
И всеми голосами птиц
Звенит под радугой Пространство!

7

Я сразу к деве потянулся,
Зачем, не знаю. Просто так.
Напоминаю, я — дурак,
И только сделал шаг — споткнулся!..

А под ногами, серо, буро,
Уже окаменев почти,
Гармонии кобылья шкура
Лежит и не дает пути!..

А я прошит стрелой Амура!
Волненье чувствуя в груди,
Иду, а шкура — впереди!..
Не подпускает к деве шкура!..

Я долго шел — понять не мог:
Намек? Тогда, на что намек?
В итоге всех событий бурных
Забывать об интересах шкурных?
И только повышать культуру?
Что ж, если так, отбросим шкуру!

Попробовал ее поднять...
Наверно, легче мир обнять!
Скажи мне, Афродита-мать,
Как тяжесть эту понимать?
Откуда ваша мощь взялась
При тонкой красоте натуры?
Одна из пены родилась!
Другая — из кобылей шкуры!

В борьбе неравной силы слабли!..
О сабле вспомнил наконец!
Ударил шкуру сталью сабли —
Взлетели искры до небес!
Тогда покрепче сжал эфес!
И от души добавил пылу!
И вдохновенно тратил силу!
И часто плакал жеребец,
Наверно, вспоминал кобылу.

Почти три ночи и три дня,
Жалея бедного коня,
Теряя боевой металл,
Трудился так, как не мечтал!

Всю шкуру искромсал на части,
Отнес на свалку по частям.
(И свалку глубоко зарыл,
И дерном свеженьким покрыл.)
И тут явились гости: здравсте!
И радуйся таким гостям!

А я, сражением упарен,
Не чуя мяса на костях,
Лежал в саду своем, как барин!
И если б не был сам татарин,
Сказал бы я о тех гостях!

8

Снаружи очень шиты-крыты,
Зашевелились кришнаиты...
Поспав во время перестрелки,
Отгладив галстуки и стрелки,
Глядят: везде сияет сад!
В портфелях — ложки и тарелки!
И ни забот! И ни досад!
Конечно, малость напряглись,
Глазами ярко заблестели,
Сквозь паутину прорвались!
И целой стайей в сад влетели!..

Ах, как они защебетали!
Они вокруг меня летали!
И похвалы изобретали!
Дарили толстые обложки!
И бронзовые адреса!
И громко хлопали в ладошки!
И надрывали голоса!
И рядышком со мной парили!
И с пафосом благодарили!
Меня! За беспримерный труд!
Во глубине сибирских руд!

А я ответил:
— Без труда
Я вынул рыбку из пруда!
Она ко мне с небес слетела!

И улетать не захотела!
И вот вам — золотая рыбка!
И вот вам — рыбкина улыбка!
Вот конь гуляет без уздечки!
А вот — фанерные дощечки
На кладбище для молодых!
И молодых подземный стон!
Они седее вас, седых!
Они святее всех святых!
Благодарю за этот сон!
А перед сном была кобыла...—

Я рассказал им все, как было.
И как работала труба.
И как работала богиня.
Какая там велась борьба.
— А я и не глядел, разиня!..
И кришнаитские подарки
Вам возвращаю: слишком много!
И белой скатертью дорога,
Туда, где нам нужны доярки,
Механизаторы,
Монтеры,
Кооператоры,
Шахтеры! —

И сразу изменились позы!
И полились большие слезы!
Что я не труженик — убийца!
И каннибал, и кровопийца!
Что мной обманута девица!
И можно только удивиться,
Как терпит милая бедняжка?
А ей, наверно, очень тяжело...
А вдруг узнает заграница?!
И почему молчит столица?..

Ведь кришнаиты — ветераны
Руководящего труда!
У них давно от стульев — раны,
Которые болят всегда!..
И черепа у них побриты:
Там самый свет из дхарм и сутр!
И каждый добр! И каждый мудр!

И вот такие кришнаиты,
Имея центнер в каждом теле,
Над головой моей взлетели!..
И сели, не слезая с воза,
Как на директора совхоза...

9

И новая метаморфоза:
В глазах — не слезы, а угроза!
В Пространстве — молнии и гром!
А в самодельных фолиантах —
Слова о вечных провиантах!
А на обложке — «Агропром»!

Такой всегда солидный том!
Гляжу: уже не том, а дом!
Опять гляжу: не дом — дворец!
Такой таинственный ларец!
И все ларцы большого роста,
И открываются непросто!

Внутри — дубовые столы.
Сидят за ними кришнаиты.
И что-то пишут, как пииты,
Не прекращая похвалы.

Зато преодолели пьянство!
И каждый заживо прощен.
И в кабинете заключен.
И в Тридесятое Пространство
Вход посторонним воспрещен!

Там воздух крылышками бьют!
Овес посеять не дают!
— А чем кормить моих коней?! —
Кричат: выращивай свиней!
И чтобы не было коров!
Зарежь коров и будь здоров!
И думать сам уже не смей!
Ведь сказано: свиней! Свиней!

Попробуй с ними: кто — кого!
Примерно сто — на одного!
...По совещаниям размазан,
Наказан, связан и обязан,
Не понимаю ничего!..
А звон стоит по всей Сибири!
И в остальном цветущем мире!
От их небесных голосов!

Я поглядел в лицо часов,
На кришнаитов поглядел,
Надел старинные доспехи,
Махнул рукой на все успехи!..
И полетел в другой предел.
Туда, где по труду почет,
И жизнь естественно течет.
А как сторонник ясных правил
Пространству мертвому оставил
Вот:
«Заявление на расчет.
Сперва мы сеем, после пашем,

Труд мужику не по плечу,
И я в таком совхозе вашем
Работать больше не хочу».

И не работаю в пехоте!
Не потому что на войне,
Или в тоске о Дон Кихоте —
Всегда по собственной вине...
Вы, может быть, меня поймете?..
Зато летаю на коне!

10

Интересуетесь судьбой
Гармонии? Что с нею случилось?
Сияние в саду осталось,
А деву я забрал с собой!
И на руках ношу покуда...

11

Интересуетесь трубой?
А вы заметили, откуда
Берутся наши мудрецы
И непреклонные борцы,
И золотого сна отцы,
А следом — сонные юнцы?

Тут никакого нету чуда:
Труба — туда, они — оттуда,
Из тверди всякой вырастают,
Держа в руках по многу книг,
И книги толстые листают,
И сразу разумом блистают!
Сверкнут, блеснут, и в тот же миг
В густом-густом тумане тают...

И отравляют каждый атом
Со всех сторон живого лба,
Хотя в Пространстве Тридесютом
Уже отсутствует труба!

А может, это — те же йоги?
Живут во всех концах земли,
Над головой возносят ноги...

А потому и не смогли
Все незарытые народы
И все зарытые заводы,
Влача лицо свое в пыли,
Постичь гармонию природы.

СОДЕРЖАНИЕ

Влюбленный летчик	5
«Любимая, звонкая, нежная...»	7
Письмо от незнакомки	8
Рыбка	9
«Был же вечер не слухом, не сплетней...»	10
Предположение об авторе романа «Гори, гори, моя звезда!»	11
«Любимая — невесомая...»	13
«Ах, как она бежала мимо...»	14
«Все друзья обустроились бытом...»	15
«Расстиляется дым по траве...»	17
«Сказали мне: ты элитарен...»	18
Плач по лету	20
«Последние дни листопада...»	21
«Погоулял по грани и по краю...»	22
«Забыть любимых имена...»	23
«Без тебя бездомен дома...»	24
«Я шел туда. И — позабыл...»	25
Воспоминание о встрече с поэтом в буфете и на семинаре	26
«Все, мне кажется, не то...»	28
Апрель в степи	29
«В оглоблях мускулы катая...»	31
Инвалид	32
Сапог	33
Художник и сапожник	35

Неверблюды	36
«Зачем живем? Затем, чтобы страдать?..»	37
«Однажды ночью, пыль вздымая...»	38
Спит собака	39
«По ночам я прилетаю...»	40
Запись в книге трамвайного управления	41
Свет и лист	43
«Телеграфное поле. Столбы...»	44
Типовуха	45
Откровение	46
Разговор с мотогонщиком по вертикальной стене	47
Провинциальная планета	49
«За все приходится платить...»	50
Ветер	51
Начало шестидесятых годов	52
Вербное воскресенье	53
«Индустриальная Джульетта...»	54
«Пульсируют весенним светом...»	55
Воспоминание прокопчанина о первой поездке в Мос- кву	56
Ждут потопа	57
Письмо любимой поэтессе, или Сон об Эдеме, П о э м а	59
Тридешатое Пространство, или Пояснения к слухам о кришнаитах. Экологическая сказка	78

Куралов Иосиф Абдурахманович

ТРИДЕСЯТОЕ ПРОСТРАНСТВО

С т и х и

Литературно-художественное
издание

Редактор В. Е. Соколов
Художник С. И. Наполов
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректор Е. Ю. Зубарева

ИБ № 1427

Сдано в набор 14.08.89. Подписано к печати 21.12.89. ОП03806. Формат 70X 90^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура Манго. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,8. Усл. кр.-отт. 4,09. Уч.-изд. л. 3,59. Тираж 4000 экз. Заказ № 3696. Цена 40 к.

Кемеровское книжное издательство.
Кемеровский полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии:
650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

